

*Я хочу увидеть тот мир,
который он видит,
который он ощущает...*

Моего кумира осуждают. Говорят, он ударил свою фанатку. Никаких подробностей нет, но, несмотря на это, за одну ночь в Сети разгорелись страсти. Я в ту ночь плохо спала. Резко проснулась, как будто от какого-то предчувствия, и включила мобильный, чтобы посмотреть, который час, а в соцсетях уже отчаянно шумели. Увидев сонными глазами фразу «Говорят, Масаки ударил фанатку», я на секундочку потеряла связь с реальностью. Ноги во сне вспотели. Я взглянула на новости в Сети, а потом могла только сидеть, скрючившись, на постели, уронив на пол тонкое одеяло, и думать о положении дел моего кумира, наблюдая за тем, как разрастается злобная критика.

Ну как?

Уведомление о сообщении перекрыло его глаза на экране блокировки телефона, словно это были глаза преступника. Написала Наруми. Когда на следующий день она вскочила в вагон, первым ее вопросом было: «Ну как?»

Наруми одинаковая, что офлайн, что онлайн. Разглядывая ее печальное лицо, на котором над огромными глазами домиком заломлены брови, я подумала, что есть эмодзи с точно таким же выражением, и ответила: «Кажется, паршиво». — «Да?» — «Да!» Наруми, в своей форменной блузке с двумя расстегнутыми пуговками, уселась на сиденье рядом со мной, и я почувствовала запах ее цитрусового дезодоранта. Я ввела «0815» — день рождения кумира — на ярком до рези в глазах экране и по привычке открыла соцсети. Они были полны вздохов.

— Много обсуждают? — Наруми тоже вынула свой мобильный. Под прозрачный силиконовый чехол была засунута темная фотография.

— Сфоткалась?

МОЕГО АЙДОЛА ОСУЖДАЮТ

— Круто, да? — ответила она с беззаботным лицом, похожим на нарисованный *смайлик*. Наруми говорит четко, каждый раз меняя выражение лица, словно иконку. Она не кокетничает, не смеется натушно — мне кажется, она просто старается вести себя как можно проще.

— И сколько сфоткала?

— Десять кадров.

— Ого! А, на десять тыщ иен!

— Ну, наверное.

— Так дешево?! Обалдеть!

Группа, по которой она сходит с ума, предлагает после концертов съемку с фанатами. На тех снимках, которые она мне показала, Наруми стоит с аккуратно заплетенными длинными волосами, а ее кумир обнимает ее сзади или стоит с ней щека к щеке. До прошлого года Наруми интересовалась известными певцами, но потом решила переключиться на менее известные группы, которые зато выступают живьем и с которыми можно пообщаться лично. Она и меня звала: мол, пошли, там здорово, тебя заметят, можно будет втихаря обменяться контактами, а может, и встретаться с кем-нибудь получится.

Я не хочу ни с кем общаться. На концерты я хожу, но предпочитаю быть незаметной фанаткой. Я — часть аплодисментов, часть

РИН УСАМИ

приветственных голосов, часть анонимных комментариев, и на том спасибо.

— Когда он меня обнял, поправил мне волосы над ухом... Я думала, что-то прилипло, а он такой... — Наруми понизила голос: — «От тебя хорошо пахнет».

— Извра-ат!

Я удваиваю «а». Наруми:

— Во-во! Больше к нему не подойду.

Она убрала фото в чехол. Айдол, которого Наруми слушала в прошлом году, ушел со сцены, потому что решил поучиться за границей. Она три дня не ходила в школу.

Да уж.

Тень от столба пролетела по нашим лицам. Наруми, словно решив, что она довольно порезвилась, выпрямила согнутые ноги и, обращаясь к своим розовым коленкам, вдруг тихим голосом пробормотала:

— Но ты молодец, Акари. Молодец, что пришла.

— Что ты сказала? «Молодец, что пришла»?

— Да.

— Мне послышалось «Молодец, что жива».

Наруми тихонько засмеялась, почти про себя, и ответила:

— И в этом тоже молодец. Айдол стоит жизни.

МОЕГО АЙДОЛА ОСУЖДАЮТ

«Спасибо, что ты родился», «мне не достался билет, и теперь я умру», «он посмотрел на меня, значит, мы поженимся» — очень многие любят произносить такие громкие фразы. Мы с Наруми не исключение, но мне не нравится, когда о замужестве говорят только тогда, когда у айдола все хорошо, и я написала на его страничке:

**Я буду тебя поддерживать
и в болезни, и в здравии.**

Поезд остановился, жужжание цикад стало громче. Я отправляю сообщение. С соседнего сидения доносится: «Здорово!»

Рюкзак после его концерта я не разбираю, так и принесла в школу. Из всего, что в нем было, в школе мне могли пригодиться только сменный блок для тетрадки, который я брала с собой, чтобы записывать впечатления от концерта, да ручка, поэтому учебником классической литературы пришлось пользоваться одним на двоих, математику я одолжила, а, так как купальника у меня не было, на занятии по плаванию я стояла около бассейна.

Когда плаваешь, все нормально, но я стояла снаружи, и вода, струившаяся по плиткам, казалась какой-то липкой. Не как грязь или

крем, а что-то более вязкое — будто в воде растворилась чья-то плоть. Вода долетала даже до тех, кто просто стоял и наблюдал за ребятами в бассейне. Со мной там была еще одна девочка из параллельного класса в тонком белом худи с длинными рукавами поверх летней школьной формы, она раздавала доски для плавания у самого бортика. Брызги попадали на ее босые ноги, и они посверкивали молочной белизной.

Вся толпа в потемневших от воды купальниках действительно выглядела какой-то липкой. Когда девочки поднимались из бассейна, хватаясь за серебристые поручни лестниц или опираясь на шершавые желтые бортики, они напоминали мне морских котиков, или тюленей, или косаток, во время шоу в аквариуме выбрасывающих на скользкую сцену свои тяжелые тела. Со щек и плеч девочек, бравших из штабеля у меня в руках доски для плавания и бросавших мне «спасибо», летели брызги, от которых на высохших светлых досках возникали темные пятна. Тело тяжелое. Ноги, разбрызгивающие воду, и матка, в которой каждый месяц отслаивается внутренняя оболочка, тоже тяжелые. Кёко, молодая учительница, я бы сказала, даже слишком молодая, учила нас держать руки близко к телу и двигать ногами от бе-

МОЕГО АЙДОЛА ОСУЖДАЮТ

дра. Некоторые плюхают только нижними частями ног, но так только быстро устаешь.

Уроки здоровья тоже вела Кёко. Она равнодушным голосом вещала про всякие яйцеклетки и губчатые тела, поэтому смущения никто не испытывал, но все эти животные функции, которые почему-то есть и у людей, наваливались на меня тяжелым грузом.

Как на простыне возникают складки только от того, что ты ложишься на постель или встаешь с нее, так на лице и коже появляются морщины только от того, что ты живешь на свете. Чтобы говорить с кем-то, ты напрягаешь мышцы лица, появляется грязь — ты принимаешь ванну, ногти растут — ты их срезаешь. Чтобы выполнить какой-то минимум, я стараюсь изо всех сил, но моих потуг всегда недостаточно. Воля и физические силы заканчиваются еще до того, как я достигаю этого минимума.

В медицинском кабинете мне порекомендовали обратиться к врачу, который поставил мне два диагноза. Я начала пить лекарства, но мне от них стало плохо, я несколько раз пропустила назначенный прием у врача, и в конце концов мне надоело к нему ходить. Название, которое дали тяжести моего тела, сначала принесло мне облегчение, но потом я почувствовала, что

РИН УСАМИ

стала заикливаться на нем и зависеть от него. Я освобождаюсь от этой тяжести, только когда говорю о своем кумире.

Самое первое воспоминание в моей жизни — это фигурка в зеленом, на которую я смотрю снизу вверх: мой кумир, которому тогда было двенадцать, играл Питера Пэна. Мне было четыре года. Можно сказать, что моя жизнь началась с того момента, когда он пролетел, прицепленный к тросам, над моей головой.

Впрочем, заинтересовалась я им гораздо позже, когда только перешла в старшие классы; я тогда пропустила репетицию спортивного праздника и лежала под одеялом, высунув из-под него руки и ноги. К давно не стриженным ногтям на ногах прицепилась сухая усталость. На улице гоняли мяч, и до моих ушей доносились далекие вскрики игроков. Каждый раз, когда я слышала какой-то звук, сознание поднималось к поверхности реальности на полтора сантиметра.

МОЕГО АЙДОЛА ОСУЖДАЮТ

Я не нашла форму, которую два дня назад выстирала и подготовила для репетиции. Одетая в одну белую блузку, я обыскала всю комнату, а поскольку делала это в шесть утра, то, так и не найдя форму, завалилась в постель, будто пыталась убежать от чего-то, и проспала до обеда. Однако после пробуждения окружающая реальность не изменилась. Перевернутая вверх дном комната напоминала мойку для посуды в закусочной, где я подрабатываю, и что с ней делать, было непонятно.

Я пошарила под кроватью и выудила оттуда зеленый DVD, весь в пыли. Это была запись спектакля про Питера Пэна, который я смотрела в детстве. Я засунула диск в проигрыватель, на экране появилась цветная заставка — диск работал. Иногда по изображению пробегали полосы — наверное, из-за царапин на диске.

Прежде всего я почувствовала боль. Сначала — мгновенную острую боль, которая как будто пронзила меня, а потом — боль как от удара, когда тебя отталкивают в сторону. Когда мальчик оперся руками на подоконник и заскочил в комнату, а потом начал болтать в воздухе ногами, одетыми в короткие сапожки, заостренные кончики его сапог вонзились мне в сердце

и безжалостно подкинули его вверх. Кажется, я помню эту боль. Это был первый год старшей школы, и к тому времени моя плоть уже, кажется, сроднилась с болью; она клубилась внутри, а иногда, словно опомнившись, превращалась просто в плотный сгусток. Болело так, как в четыре года, когда слезы выступают сами по себе, даже если ты просто упала. Словно мигом распространившись из одной точки, где возникла боль, ощущения вернулись в тело, зернистое изображение обрело цвет и свет, и мир стал четким. Маленькая фигурка в зеленом мягко приблизилась к лежащей на постели девочке и ткнула ее в плечо. Потом легонько потрясла. «Эй!» — раздался приятный звонкий голос, и я подумала: «Это Питер Пэн!» Это совершенно точно был тот мальчик, который когда-то пролетел над моей головой.

Питер Пэн, сверкая дерзким взглядом, каждый раз произносил слова энергично, словно вызывая к кому-то. Все слова он произносил одинаково. Его движения тоже были одинаково наигранными, но то, как он втягивал воздух и старательно произносил слова, заставляло меня так же втягивать воздух и с шумом выдыхать его обратно. Я заметила, что стараюсь слиться

МОЕГО АЙДОЛА ОСУЖДАЮТ

с ним в одно целое. Когда он начинал бегать вокруг, по моим застывшим без движения белым бедрам пробежала судорога. Глядя, как он плачет, потому что его тень изгрызла собака, я хотела обнять его вместе с его печалью, которая передавалась мне. Пробужденное сердце тяжело выталкивало кровь и волнами гнало по телу жар. Этот жар не мог вырваться наружу и оставался в сжатых кулаках и в бедрах моих согнутых ног. Питер Пэн отчаянно махал своим тоненьким мечом, его загоняли в угол, оружие противника царапало его бок, и каждый раз я чувствовала, как холодное лезвие пронзает мои внутренности. Когда он сбрасывал капитана в воду с носа корабля и поднимал голову, по моей спине пробежала дрожь от его не по-детски холодного взгляда. «Иэх-х!» — раздавался глупый возглас. Я произносила про себя: «Во дает! Обалдеть!» Я думала, что этот парень точно сможет отрубить капитану левую руку и скормить ее крокодилу. «Во дает! Обалдеть!» — кричала я, пользуясь тем, что дома никого не было. Увлечшись, я даже кричала: «Хочу в Неверленд!» — и мне казалось, что я действительно этого хочу.